

Федосеева Т. В., Тимофеев Н. К.

СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ СЮЖЕТНО-СОБЫТИЙНЫХ СТРУКТУР НАРРАТИВНОЙ ЛИРИКИ Я. П. ПОЛОНСКОГО ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В статье анализируется нарративная лирика Я. П. Полонского 1880–1898 годов. Обозначены типы сюжетно-событийных структур лирических произведений в функции выражения творческого сознания автора. В ходе структурно-семиотического анализа выявлена включенность творчества Полонского в широкий литературный и культурный контекст. Сделаны наблюдения за рецепцией фольклорно-мифологических и религиозно-философских мотивов, формирующих в мире поэта универсальные онтологические смыслы и духовно-нравственные ценности. Из мотивно-тематического анализа выведены сюжеты о духовном несовершенстве человечества, жизненном цикле человека и страдающей от несовершенства мира душе. Сделаны выводы о том, что творческое сознание Полонского последнего периода творчества сосредоточено на проблемах духовной нищеты человечества, отчужденности современного ему общества от христианских ценностей: Бог, бытие, бессмертие, человек, душа, свобода воли, вера, надежда, любовь, спасение, соборность, человечество – в его картине мира имеющих первостепенное значение.

Ключевые слова: поздняя лирика Я. П. Полонского, структура лирического сюжета, мотивно-тематический анализ, внутреннее событие, творческое сознание автора.

Для цитирования: Федосеева Т. В., Тимофеев Н. К. Содержательность сюжетно-событийных структур нарративной лирики Я. П. Полонского позднего периода творчества // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 83-91. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).83-91

На современном этапе развития литературоведческой науки постоянно возрастает исследовательский интерес к личности и творчеству Я. П. Полонского. Появляется всё больше работ, специально посвященных анализу лирического наследия поэта, однако до настоящего времени остаются недостаточно разработанными вопросы, его позднего творчества. Ранее было справедливо замечена характерная для речевого оформления лирических текстов Полонского нарративность. О. В. Зыряновым лирические нарративы в творчестве поэта сведены к трём типам жанрово-родового высказывания: «драматизированного монолога», «жанровой сценки», «лирической (стихотворной) новеллы» [Зырянов, 2015, с. 148]. Данная классификация, направленная на типологизацию лирических нарративов, на наш взгляд, ограничивает выход на уровень ценностно-содержательного анализа лирики, при том, что именно этот уровень и позволяет, прежде всего, сформировать представление о характере творческой личности автора. Как уже было замечено ранее, лирический нарратив является одним из способов выражения творческого сознания автора [Чаркин, 2016]. Уточнение диапазона воплощенных в нарративной лирике Полонского смыслов и ценностей позволит прояснить до настоящего времени лишь частично изученный ценностно-содержательный мир позднего периода творчества поэта [Федосеева, 2022].

Таким образом, целью настоящего исследования является определение сюжетно-событийной структуры малоисследованной нарративной лирики Я. П. Полонского 1880–1898 годов с точки зрения выраженного автором содержания.

Опираясь на современные теории сюжета и нарратива в лирике, мы выделяем

сюжетно-событийную структуру лирических произведений исходя из значения понятий «лирическое событие» и «лирический мотив». Лирическое событие определяем как материальную основу поэтического текста, функционально отличающуюся от события в эпическом или драматическом произведении. Если образуемое в последовательности событий сюжетное действие эпического или драматического произведения объективировано и является следствием поступков героя, и последовательность событий складывается в результате его перемещения между позициями в пространственно-временной структуре произведения (хронотопами), то в лирическом произведении сюжет представляет собой последовательность изменений внутреннего состояния субъекта. По А. Н. Веселовскому, сюжетная сторона лирического текста формируется из мотивов («простых схем»), а их комбинации в качестве структурных элементов образуют системы – «сложные схемы» [Веселовский, 1989, с. 24]. В. Шмид назвал лирическое событие «ментальным» [Шмид, 2003, с. 10], а Н. Д. Тамарченко указал на сюжетную функцию лирического мотива в смене «тематического поля» изображенного в лирическом произведении мира [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 184]. Нами лирический мотив рассматривается как «комплекс чувств и переживаний, выраженных в художественной речи и повторяющихся в произведении или творчестве писателя», наделенный «структурообразующей функцией» [Федосеева, 2011, с. 136]. Применяя сложившуюся на настоящий момент методологию, мы приравняем определенные Веселовским «сложные схемы» к мотивным комплексам, структурирующим лирический текст, а их повторяемость считаем фактором выражения авторского сознания. «Сложная схема» или сюжет в лирике, составленный из «простых схем» – мотивов, поддаётся описанию, статистический подсчет показывает их повторяемость в произведениях автора.

Из девяноста восьми лирических произведений, написанных Я. П. Полонским в 1880–1898 годах, для анализа было отобрано тридцать одно стихотворение с нарративной структурой, что составило более 31% от общего объёма учтённых текстов и указывает на их высокую частотность. Классификация видов сюжетно-событийной структуры анализируемых произведений осуществляется средствами структурно-семиотического метода, их функции выявляются в ходе аксиологического комментария. В результате мотивного анализа отобранные для анализа тексты разделены на три группы, соответственно выстроенному нарратором сюжету как способу структурирования лирического содержания. Сформировано три содержательных группы, с сюжетами о духовном несовершенстве человечества, о жизненном цикле человека и о страдающей от несовершенства мира душе.

Многие из привлеченных к исследованию произведений позволяют говорить о влиянии сюжетно-мотивного балладного комплекса, попытка классификации которого была предпринята современным исследователем на материале русской поэзии более позднего периода [Куликова, 2021]. В нашей работе учитываются лишь те виды сюжетно-мотивного комплекса баллады, которые функционируют в избранных для рассмотрения лирических произведениях Полонского.

К балладному жанру восходит сюжетная группа стихотворений о духовном несовершенстве человечества, в которую включены обличительные мотивы

греховности или духовной нищеты людского рода. Схема организации сюжетов данной категории включает следующие мотивы: Божий замысел о человеке – греховность и духовная нищета человечества – искупление греха и надежда на спасение. В эту группу входит десять стихотворений, составляющих более 32% отобранного для анализа материала: «Струйка», «Эрот», «На снежной равнине...», «Золотой телец», «На мотив одной старой французской легенды», «Фантазия», «Живая статуя», «Тени и сны», «В засуху», «У храма».

Проанализируем сюжетно-событийное строение наиболее характерных поэтических текстов этой группы. Сюжет стихотворения «Золотой телец» восходит к ветхозаветному тексту и в нем открывается Божественный замысел о людском роде: «Свершалось чудо. Был отверст / Край неба, и небесный перст / Писал на каменных досках: / «Аз есмь Господь, – иного нет». / Так начал Бог святой завет» [Полонский, 1896, Т. 2, 401]. Однако люди греховны, отвергнув Бога и нарушив заключенный с Ним завет, они сотворили жертвы для тельца из золота и сберегли его даже после того, как он был свергнут. По мысли автора, этот соблазн сохраняется в человеческой истории до сего дня. В последней части стихотворения проявляется вера в преодоление этого соблазна и надежда, что Бог пошлёт на землю «нового Моисея» [Полонский, 1896, Т. 2, 405], чтобы тот сразил сохранённого идола. В стихотворении «Фантазия» используется аналогичная сюжетная схема. Во тьме веков жил человек: «с душой ребёнка зверь двуногий» [Полонский, 1896, Т. 2, 444]. С небес человеческому роду была послана Фантазия, чтобы приблизить его к Богу: «Фантазия нашла тот камень, – тот гранит, / И придала ему необычайный вид» [Полонский, 1896, Т. 2, 450], но люди, показывая свою духовную нищету, отнеслись к творению Фантазии как к идолу: «И долго дикари на чудище косились... / Вдруг, ужасом объятые, взмолились / И поползли к нему. – И взвыли: ты наш бог! / – Помилуй нас!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 450]. Заключительная часть сюжета этого стихотворения наполнена значительно большей верой в спасение человеческого рода и торжество христианства, чем в стихотворении «Золотой телец»:

И, водворяя власть любви, и красоты
И человечности, Фантазия страданью
Даст высший смысл и поведет
От созерцанья к мирозозерцанью;
И воплотится дух, и много раз умрет
И будет воскресать, и человек воздвигнет
Иной алтарь, и Сущего постигнет [Полонский, 1896, Т. 2, 452].

Сюжетно-событийная сторона другого произведения – «На мотив одной старой французской легенды» – тоже соответствует мотивному комплексу, определенному для данной группы. Сюжет построен на взаимодействии мотивов бедности, демонического и ангельского начал в мире людей. Голодный мальчик, разочаровавшись в людях и убедившись в их духовной скудости, грезит о крыльях, чтобы подняться в небо и там найти «краюшку хлеба» [Полонский, 1896, Т. 2, 410]. Искушающий ребенка демон дает ему такую возможность, чтобы убедить в том, что в небе ему не помогут. Через столетия бесплодных скитаний мальчик спустился на землю, где увидел человечество повергнутым в прах. Надежду отчаявшемуся страннику даёт ангел, который забрал его с собой – к «человеку», в место, недоступное

для демона: «Тайны этой не постигнет / Мир, возникнувший из праха, / Только демон ею бредит, / Но земля его не слышит» [Полонский, 1896, Т. 2, 412].

Таким образом, в группе лирических произведений с сюжетом о духовном несовершенстве человечества проявлено религиозно-философское содержание: автором показана тщета земных устремлений и привязанностей и утверждаются ценности Бога, соборного бытия человечества, надежды, животворящей силы любви.

Группа произведений с сюжетом о жизненном цикле человека включает в себя семнадцать стихотворений, составляющих 55% отобранного материала. В составе группы нами выделено несколько подгрупп: о взрослении, любовных испытаниях и духовном прозрении.

Строение лирических произведений, объединённых сюжетом взросления, подчиняется общей схеме: стабильное существование – переломный момент и переоценка ценностей – новый этап жизненного пути. Поэтика этого сюжетно-событийного комплекса, по нашим наблюдениям, включает мотив утренней зари как символа новой жизни [Федосеева, 2022]. В эту подгруппу включено шесть стихотворений, составляющих 20% отобранного материала: «Старик», «Аллегория», «Подросла», «Деревенский сон», «Дни изменчивы», «В новом доме».

Разберём наиболее показательные примеры сюжетно-событийной основы произведений этой подгруппы. Стихотворение «Старик» построено на циклической схеме подтипа, в нём представлена оппозиция мотивов: молодость/старость – старость/молодость, воплощенных в образах старика и девушки. Вначале старик шёл «с трудом одолевая / Ступеньки лестницы крутой», а «чудо-девушка, навстречу за ним взбегая, / Казалось, веяла весной». В этот момент героиня находится в начале очередного жизненного цикла. Перелом, способствующий переоценке ценностей, содержится в реплике, утверждающей смену поколений как вечный закон бытия: «чтоб кто-нибудь / Мог перегнать тебя, когда тебя измучит / Крутой подъем, – житейский путь!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 330]. Автор утверждает неизбежность перехода от молодости к старости, где молодость со временем занимает место старости, а кто-то молодой двигается вперёд в очередном жизненном цикле. Герой стихотворения «Аллегория» тоже находится в пути, его дорога лежит через ночной мрак, лишь изредка озаряемый мелькающим вдали огоньком. Наблюдая ночной пейзаж, путник в своих мыслях обращен к общим вопросам земного существования, им овладевает стремление к переоценке своего жизненного пути – он хотел бы вернуть прошедшие годы: «Чтоб мог прижать я к сердцу вновь / Всё, что вперёд умчал злой рок: / Свободу, молодость, любовь...». Сюжет о ночном странствии циклический, осознавая невозвратность связанных с молодостью радостей бытия, герой выражает надежду на то, что «новый день» даст утешение открытием иных жизненных ценностей, «Чтоб загоревшийся восток / Открыл мне даль, – чтоб новый день / Рассеял этой ночи тень, / Не так, как этот огонек!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 342]. О переломном моменте в судьбе юной девушки говорится в стихотворении «Подросла». Жизнь героини была спокойной и безмятежно радостной до момента возникновения любовного чувства. Потеряв душевный покой, она пребывает в сомнениях, не понимая, как соединить безмятежность прошлой жизни с теперешним состоянием: «Ворочусь я домой. / Что мне делать с родной!? / Как сказать ей: не знаю, родная, /

Что со мной!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 414]. В ходе переосмысления себя и своего положения героиня стихотворения переходит на новую ступень осознания жизни.

В состав второй подгруппы данного мотивного комплекса входят девять стихотворений, объединяющих 29% отобранного материала: «На каланче», «У двери», «Зимой, в карете», «Неотвязная», «Вдова», «Гитана», «Хуторки», «Вот и ночь...», «Они». Каждое из них построено на сюжете несчастной любви, позволяющей герою или героине выйти на новый уровень самосознания.

Сюжет стихотворения «Вдова» начинается с загадки истовой молитвы и тусклого безжизненного взгляда «чернобровой вдовы» и намек на супружескую измену: «Страшно ей, говорят, / В образнице своей; / Где же ей замолить / Чары грешных ночей?...» [Полонский, 1896, Т. 3, 26]. Грех героини сокрыт от внешнего взгляда, но из речи автора-рассказчика следует, что он состоит не только в обмане и неверности, но и в убийстве – «покойный мой муж / Принял медленный яд» [Полонский, 1896, Т. 3, 30]. Наказанием для вдовы стал призрак покойного мужа, который ей является в метели и в погасшем свете луны, а обвинение в преступлении слышится в церковном звоне, лае пса и крике петуха. Сюжет этого стихотворения подсказан мистическим балладным комплексом, включающим мотивы супружеской неверности, смерти одного из супругов и мести мертвеца. Мотивы балладного жанра выделяются и в стихотворении «Гитана», сюжетно-событийная сторона которого построена на рассказе о неверности в любви и мести за измену. Пылкая любовь Гитаны и Дона-Педро оказалась мимолётной со стороны кавалера. Он не прошёл испытания любовью, обманув страстную испанку, и та страшно отомстила ему за предательство: «Она бредит, а всё ж за бесчестье / Нанесла она страшный удар, / Тот удар, что дворцы и базар / Называют кровавою мезью» [Полонский, 1896, Т. 3, 51]. В стихотворении «У двери» представлен иной вариант сюжетной схемы непостоянства в любви. Герой ожидает свидания с возлюбленной, стоя у двери её комнаты и переживая тайну так и не открытой ему двери. В этой тайне ему мнится измена, и начинается стадия испытания чувств, которую герой не в силах пройти. Он осознает невозвратность потери, когда становится ясным, что новая встреча с возлюбленной невозможна: «С тех пор я, как потерянный, / Куда ни заходил, / Всё было пусто, холодно... / Чего-то след простыл...» [Полонский, 1896, Т. 2, 388].

Третья подгруппа произведений объединена сюжетом духовного прозрения субъекта, подводящего итог прожитой жизни, умирающего или близкого к смерти. Сюжетно-событийная структура текстов этой подгруппы основана на схеме: относительность жизненного благополучия – болезнь – воспоминания о прошлом или грёзы о будущем – уход в иной мир. Исповедальный характер высказывания субъекта речи в стихотворениях этого подтипа продиктован охлаждением перед лицом смерти ко всему земному. Остановимся на двух стихотворениях подтипа: «Умирающий» и «Лебедь», составившие более 6% отобранного материала.

Герой стихотворения «Умирающий» живет, как и большинство людей, не задумываясь о смерти. Он эгоистичен в отношении к людям, пользуется всеми возможными благами жизни, до тех пор, пока его не настигает внезапная и приносящая тяжкие физические страдания болезнь. Вспоминая о прошлом, «умирающий» понимает, что одинок, но не тяготится своим одиночеством. В

переживаемых страданиях он винит собственную телесность, рабом которой сознает себя и всех других людей: «...все мы – жалкие рабы, / Рабы бесчувственной природы, / Рабы изменчивой судьбы, / Рабы измышленной свободы / И плоти собственной рабы!» [Полонский, 1896, Т. 2, 335]. Монологу героя Полонский придает значение исповеди, в том смысле, который был определен В. И. Далем. Это выражение «искреннего и полного сознания, объяснения убеждений своих, помыслов и дел» [Толковый словарь..., 1955, с. 54]. «Умиравший» как бы со стороны видит не только свою жизнь, но и жизнь человечества. Подводя итоги, он спокоен и глубокомыслен, и уходит в иной мир, удивив слушателя как «мудреной речью» о духе и материи, так и сознанием того, что для человека возможен другой исход, только если он не становится рабом плоти:

«Блажен, кто верит до конца,
Кого не тешит временная слава,
И чья любовь ко всем дает святое право
Сказать: — “Я сын Небесного Отца” ...
Но я не из числа блаженных ...» [Полонский, 1896, Т. 2, 336].

В стихотворении «Лебедь» духовное прозрение явлено в предсмертных грёзах умирающей в одиночестве птицы. Отрешенный от суеты житейского благополучия толпы, развлекающейся музыкой и фейерверками в саду, лебедь угнетен духовно, его болезненное состояние вызвано разочарованием в земной жизни и полным охлаждением чувств. Всеми своими мыслями он устремлен к небу, мечтает подняться выше облаков, спеть последнюю, «вдохновенную» песню не о том, что временно и бренно, а о вечном, и быть услышанным: «Как на всё, на всё святое, / Что таил он от людей, / Там откликнутся родные / Стаи белых лебедей» [Полонский, 1896, Т. 2, 397].

Таким образом, сюжеты второй группы проанализированных нами стихотворений содержат размышления автора о превратностях и перипетиях земного пути человека и оценку его этапов через категории духовного, божественного и вечного. Лирический субъект Полонского утверждает антропологические ценности христианства: бессмертие души, свободу воли, надежду на исправление жизненного пути и духовное прозрение человека.

Третья группа стихотворений объединена сюжетом о страдающей от несовершенства мира душе. Лирическое содержание в них разворачивается из мотива угнетения духовного существа человека телесностью и неблагополучием внешних обстоятельств жизни. Построение сюжетов этой группы стихотворений состоит в последовательности мотивов скитания (реального или духовного) – поиска или обретения правды (свободы или веры) – победы духовного начала над телесным. В эту группу включено четыре стихотворения, которые составляют немногим менее 13% отобранного для анализа материала: «Прометей», «Я – чадо природы...», «Орёл и голубка», «Памяти В. М. Гаршина».

Рассмотрим лирические произведения этой группы с точки зрения сюжетно-событийной структуры. В мир стихотворения «Прометей» включены реминисценции на известные античные образы и мифологический сюжет, которые служат воссозданию лирического события оригинального авторского текста. Герой Полонского находится в пути, он обрёл свою правду в любви к людям и вступает в

борьбу за неё и свой «бессмертный дух» [Полонский, 1896, Т. 2, 318]. Подобно Прометею, подвергнутому богами жестоким физическим страданиям за любовь к людям, герой стихотворения Полонского болью искупает обретенную правду, одерживает духовную победу над «не вечными» богами и стесняющими дух формами физического существования: «Ведь то, что я создал / Любовью моей, / Сильнее железных / Когтей и цепей!!» [Полонский, 1896, Т. 2, 318]. Полонским трансформирован миф о Прометее, образ орла, посланного Зевсом для постоянной пытки героя, заменен образом чёрного ворона, в духе балладной традиции, когда inferнальные существа или животные вмешиваются в жизнь людей. Герой стихотворения преодолевает власть богов и обретает духовную свободу: «И что тогда, боги! / Что сделает гром / С бессмертием духа, / С небесным огнем?..» [Полонский, 1896, Т. 2, 320]. Абсолютная свобода духа и слабость плоти утверждается и в стихотворении «Я – чадо природы...», текст которого сопровождается державинским стихом в качестве эпиграфа: «Я червь – я бог». Духом герой стихотворения устремлен к Богу, а плотью прикован к земле: «А ты, дух мой, волен / Как птица, и – мне ли угнать за тобою?!..» [Полонский, 1896, Т. 3, 77]. В противостоянии телесности и духовности человека разворачивается внутренний сюжет о заточении свободного духа в несвободной природной оболочке и возможности для её преодоления: «Какая темница / Тебе помешает носиться высоко, / Беседовать с Богом / И смерти, на зло, видеть путь свой далёко!», но тут же утверждается невозможность полного освобождения: «Как чадо природы, – / Я раб: – я покорен всему, чем живу я...» [Полонский, 1896, Т. 3, 78]. По общей для третьей группы анализируемых в статье текстов схеме, но со сменой последовательности мотивов, построен внешний сюжет стихотворения «Орёл и голубка». Голубка лишена свободы, она оказалась во власти орла, молит похитителя о снисхождении и помилована им: «И внял мольбам великодушный» [Полонский, 1896, Т. 2, 361]. Обретя временную свободу, голубка улетела навстречу буре, чтобы где-то далеко обрести свободу постоянную, но погибла – телесная форма оказалась слабее душевного стремления к свободе. В развитии сюжета о пленении и освобождении героини просматривается балладный нарратив о попытке преодоления действия inferнальной силы, не приведшей к исполнению желания. Сюжет, представленный в стихотворении «Памяти В.М. Гаршина», как и рассмотренный выше, построен на изменённом мотивном порядке. Он развернут из мотива больной души поэта, заточённой в теле человека и одиноко противостоящей порокам общества. Обладатель «больной души» не может жить вне общества, равно как и «заодно брести с толпой». Его земная жизнь обрывается, и душа освобождается от мира, который «... был теплицей, / Где гордой пальме места нет» [Полонский, 1896, Т. 2, с. 371].

Итак, сюжетно-событийная структура стихотворений о страдающей душе актуализирует двойственную природу человека, поврежденную грехом. Выраженный ими смысл близок Посланию апостола Павла: «...плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал. 5: 16–18). В нарративе объективированного персонажа произведений третьей группы реализуется лирическое событие: угнетенное состояние страдающего от несвободы субъекта, выраженное мотивом ограниченности духа телесностью и

стесняющими свободу внешними обстоятельствами, разрешается ожиданием духовного освобождения за пределами земного существования.

Обобщая вышесказанное, заметим, что проанализированный в статье литературный материал распределен среди сюжетно-содержательных типов следующим образом: о духовном несовершенстве человечества составили более 32%, о жизненном цикле человека – 55% (взросление – 20%, любовные испытания – 29%, духовное прозрение – 6%), о страдающей душе – менее 13%. Такое соотношение позволяет сделать вывод о преобладании в сознании Я.П. Полонского последнего периода творчества онтологической и антропологической проблематики. Проведённый анализ проясняет представление о ценностном мире поэта, в котором выражается скорбь о духовной нищете современников. Авторский взгляд направлен в сторону осмысления незначительности земного бытия перед божественным, вечного противостояния плоти и духа. Обозначен и путь преодоления этого конфликта, он в пренебрежении суетными целями «временной славы» и обретении «любви ко всем».

Литература

- Веселовский А. Н. (1989). Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 404.
- Зырянов О. В. (2015). Своеобразие лирического нарратива в поэзии Я. П. Полонского. *Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха*. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 148-160.
- Куликова Е. Ю. (2021). Сюжетно-мотивные комплексы баллады акмеизма. *Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология»*, 3, 551-563.
- Полонский Я. П. (1896). Полное собрание стихотворений. В 5 т. Т. 2. Санкт-Петербург.: Изд. А. Ф. Маркса, 460.
- Полонский Я. П. (1896). Полное собрание стихотворений. В 5 т. Т. 3. Санкт-Петербург.: Изд. А. Ф. Маркса, 484.
- Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. (2004). *Теория литературы*: В 2 т. Т. 1. Москва: Изд. центр «Академия», 512.
- Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (1955): в 4 т. Т. 2. Москва: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 779.
- Федосеева Т. В. (2011). *Введение в литературоведение*. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 212.
- Федосеева Т. В. (2022). Ценностное наполнение мотивного комплекса зари в лирике Я.П. Полонского. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. Т. 10, 2(20), 135–155.
- Чаркин В. В. (2016). Лирический нарратив как способ выражения авторского сознания в лирике С. Я. Надсона. *Ученые записки ОГУ*, 1(70), 141–145.
- Шмид В. (2003). *Нарратология*. Москва: Яз. славян. культуры, 311.

References

- Charkin V. V. (2016). Liricheskij narrativ kak sposob vy`razheniya avtorskogo soznaniya v lirike S. Ya. Nadsona [Lyrical narrative as a way of expressing the author's consciousness in the lyrics of S. Ya. Nadson]. *Ucheny`e zapiski OGU [Scientific notes of OSU]*, 1(70), 141-145.
- Fedoseeva T. V. (2011). Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Studies]. Ryazan, RSU named after. S. A. Yesenina, 212.
- Fedoseeva T. V. (2022). Cennostnoe napolnenie motivnogo kompleksa zari v lirike Ya. P. Polonskogo [The value content of the motivic complex of dawn in the lyrics of Ya. P. Polonsky]. *Issledovatel`skij zhurnal russkogo yazy`ka i literatury` [Research Journal of Russian Language and Literature]*, 10, 2(20), 135-155.
- Kulikova E. Yu. (2021). Syuzhetno-motivny`e komplekсы` ballady` akmeizma [Plot-motive complexes of the ballad from Acmeism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of

Udmurt University. Series: "History and Philology", 3, 551–563.

Polonskij Ya. P. (1896). *Polnoe sobranij stixotvorenij* [Complete collection of poems]: in 5 vols, vol. 2. Saint Petersburg, Publishing house A.F. Marx, 460.

Polonskij Ya. P. (1896). *Polnoe sobranij stixotvorenij* [Complete collection of poems]: in 5 vols, vol. 3. Saint Petersburg, Publishing house A.F. Marx, 484.

Shmid V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Languages of Slavic culture, 311.

Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Brojtman S. N. (2004). *Teoriya literatury* [Literary theory]: in 2 vols, vol. 1. Moscow: Publishing center "Academy", 512.

Tolkovyj slovar` zhivogo velikorussskogo yazy`ka V.I. Dalja [*Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl*] (1955): in 4 vols, vol. 2. Moscow: State Publishing House foreign and the national dictionaries, 779.

Veselovskij A. N. (1989). *Istoricheskaya poe`tika* [Historical poetics]. Moscow: Higher School, 404.

Zy`ryanov O. V. (2015). *Svoeobrazie liricheskogo narrativa v poe`zii Ya. P. Polonskogo* [The originality of the lyrical narrative in the poetry of Ya. P. Polonsky]. Ya.P. Polonskij: tvorchestvo, sud`ba, e`poxa [Ya. P. Polonsky: creativity, fate, era]. Ryazan: RSU named after. S.A. Yesenina, 148-160.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.11.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Федосеева Татьяна Васильевна — доктор филологических наук, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; ORCID: 0000-0002-5540-5051; t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

Тимофеев Николай Константинович — аспирант, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; ORCID: 0009-0006-2363-7129; russiacrafter@yandex.ru

Fedoseeva T. V., Timofeev N. K.

THE CONTENT OF THE PLOT AND EVENT STRUCTURES

JA. POLONSKY'S NARRATIVE LYRICS OF THE LATE PERIOD OF CREATIVITY

Abstract. The article analyzes the narrative lyrics of Ya. Polonsky 1880–1898. The types of plot-event structures of lyrical works in the function of expressing the creative consciousness of the author are indicated. In the course of structural-semiotic analysis, the inclusion of Polonsky's work in a broad literary and cultural context was revealed. Observations are made of the reception of folk-mythological and religious-philosophical motifs that form universal ontological meanings and spiritual and moral values in the poet's world. From the motive-thematic analysis, plots about the spiritual imperfection of humanity, the life cycle of a person and the soul suffering from the imperfections of the world are derived. Conclusions are drawn that Polonsky's creative consciousness of the last period of creativity is focused on the problems of spiritual poverty of humanity, the alienation of his contemporary society from Christian values: God, being, immortality, man, soul, free will, faith, hope, love, salvation, conciliarity, humanity – is of paramount importance in his picture of the world.

Keywords: late lyrics by Ya. Polonsky, structure of the lyrical plot, motive-thematic analysis, internal event, creative consciousness of the author.

For citation: Fedoseeva T. V., Timofeev N. K. The content of the plot and event structures Ja. Polonsky's narrative lyrics of the late period of creativity. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 83-91. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).83-91